

Арье Екатерина Андреевна
Российский Государственный Гуманитарный Университет
Отделение социокультурных исследований
Кафедра истории и теории культуры
1 курс магистратуры
E-mail: arie.kate@gmail.com
+ 7-915-334-01-10

Arie Ekaterina Andreevna
Russian State University for the Humanities
Department of socio – cultural studies
Specialized department of history and theory of culture
1st-year student of master's program
E-mail: arie.kate@gmail.com
+ 7-915-334-01-10

**КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА В РОССИЙСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ 2010Х ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ QUALITY PRESS**

**CONSTRUCTING OF SUBJECT IN RUSSIAN DISCOURSE OF MEDIA
IN 2010^{THS} IN CASE OF QUALITY PRESS**

Аннотация

В рамках quality press субъект конструируется посредством ряда инструментов и практик. С помощью элитарного дискурса обозначенное пространство отделяется от прочих продуктов массового потребления и, таким образом, конструирует субъекта и – шире – общность (или аудиторию). В этом случае использование качественной аналитической риторики демонстрирует, что основной инструмент, посредством которого происходит конструирование – язык, разделяющий общности на профанные и экспертные. Однако отечественная социокультурная реальность не позволяет выстроить конструктивный диалог этих двух групп ввиду мифологизированного самосознания нации.

Ключевые слова: конструирование, субъект, эксперты, профаны, медиадискурс

Abstracts

In case of quality press Subject is being constructed through a number of tools and practices. With elite discourse designated space detach from other products of mass consumption, and thus constructs the subject and - increasingly - commonality (or audience). In this case, the

use of high-quality analytical rhetoric demonstrates that the main instrument through which the construction is going on - is the Language that actually separates the community to profane and experts. However, the domestic socio-cultural reality does not allow to create a constructive dialogue between those two groups because of mythologized consciousness of the nation.

Keywords: construction, subject, experts, profane, media discourse

Обращаясь к пространству медиа, к медиадискурсу, следует принять как данность тот факт, что обращение происходит в то же время к сфере публичного. Публичность избранного пространства обусловлена тем фактом, что оно является общедоступным, и, значит, представляет собой ряд практик, и норм, формирующих пространство, где конструкты перемешиваются, представая для аудитории в виде полифонического мира. По сути, конструкты являются продуктом медиадискурса и тех, кто этот дискурс потребляет (аудитории). Раз этот дискурс потребляется, значит, он продуцируется и распространяется, или же укрепляется в медиапространстве. Медиапространство в известной степени является продуктом технологического прогресса, из этого следует, что о публичной сфере в понимании Ханны Арендт говорить не предстоит: ведь она приводила аналогию с античной агорой [Арендт Х, 2000 - Гл. 2.]. В данном случае вектор интереса скорее направлен на работы Юргена Хабермаса [Хабермас Ю., 2011.], который определял публичное пространство как общность виртуальную, формирующаяся за счет динамического роста производителей контента наравне с теми, кто участвует в коммуникации (как создатель и интерпретатор). Таким образом, получается, что Хабермас говорит о публичном пространстве как о внеличностном феномене, в котором действие приравнивается к коммуникации, а коммуникативный акт в медиапространстве становится актом экспансивным.

С другой стороны, иной характеристикой коммуникации в публичном пространстве медиадискурса является то, что называется «сильной» (то есть институциональной, формальной, наделенной прерогативой принятия решения) и «слабой» (неформальной и хаотичной) публиками, об этом тоже говорит Хабермас. Строго говоря, именно последняя, как раз является для него публичной сферой, которую можно охарактеризовать как открытую, спонтанную, многоголосую, обладающую динамичными рамками пространства и времени. И именно за счет этой открытости данный тип публики может быть маркирован как «конструируемый», или

предполагающий конструируемость. Это обусловлено тем фактом, что «слабая» публика скорее предстает перед нами в качестве получателя сообщения, который интерпретирует, перерабатывает и в некоторых случаях интегрирует полученную информацию. Публичная сфера ризоматична, она подразделяется на множество под-сфер. В свою очередь коммуникации в публичной сфере, проходя, через различные публикации, направляются СМИ и медиа, вектор развития дискурса в этом смысле подвластен производителям контента, той самой сильной публичной сфере, о которой шла речь ранее. Таким образом, перед нами появляется иерархичность публичной сферы, ввиду того факта, что так, или иначе – существуют производители контента, а, значит, те, кто регламентируют нормы и практики публичного пространства напрямую, или же опосредованно, и те, кто потребляют контент, интерпретируя его в соответствии с нормами того дискурса, к которому они так, или иначе относятся.

Если обратиться к quality press, можно также выделить ряд особенностей относительно актуальных конструктов. Однако, начнем по порядку. Итак, согласно словарю Collins, определение звучит как «the more serious newspapers which give detailed accounts of world events, as well as reports on business, culture, and society» [<http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/quality-press>]. Что в свою очередь означает, что рассматриваемая область журналистики посвящена анализу, который стремится к объективизации и серьезному анализу ситуации. Иначе говоря, издание стремится к высоким качественным показателем, а не к количественным, ведь качественный анализ требует больше времени. Изданиями с такой редакционной политикой на западе являются, например, Independent и The Guardian.

Обращаясь к пространству российских медиатекстов 2010х годов, был выбран в качестве основного источника портал под названием Colta.ru. На сайте в разделе «о проекте» мы находим следующую информацию:

- «Вот уже больше двух лет, как сайт COLTA.RU работает, вызывает споры, интересует. Все это происходит исключительно благодаря вам!»
- «Потому что COLTA.RU (бывший OpenSpace.ru) — единственное в России большое общественное СМИ, которое существует за счет трех источников: помощи читателей, Попечительского совета и партнерских проектов»
- «У сайта COLTA.RU нет хозяина — ни государственного, ни частного. Это совершенно независимое, свободное СМИ о культуре и обществе»

Подобная артикуляция демонстрирует нам опорные принципы выбранного средства массовой информации, а именно:

1. Существование проекта вне государственного финансирования (что означает, абстрагированность от пропагандистских интенций и, значит, отсутствие пропагандистских практик),
2. Независимое СМИ (у которого нет хозяина, и, значит, нет оформленной позиции, или же магистрального дискурса)
3. По сути, это принцип напрямую связан с предшествующим, а именно – свобода подразумевает свободные риторические практики, развитие дискуссиям, обсуждениям и динамическим нарративам.

Таким образом, получается, что мы обращаемся к пространству текстов, которые производятся не в рамках общегосударственного прополитического дискурса, но в рамках субъективного интереса и стремления к производству определенного вида дискурса.

Это имплицитно означает, что мы попадаем в пространство, качество которого формируется посредством выбора тематик, которые считаются производителями «качественными», а язык «соответствующим». В свою очередь это провоцирует краткий разговор о доверии абстрактным системам (экспертам) [Гидденс Э., 2011. – С.207.], связанных с развитием веры в символические или экспертные системы. Речь идет о том, что потребность в доверии возникает лишь там, где есть неведение. В условиях ризоматичного глобального мира подобное неведение не является редкостью, что обуславливает появление характерного типа взаимоотношений индивида и эксперта. Природа современных институтов глубоко связана с механикой доверия абстрактным системам, ввиду того, что доверие к системам принимает форму безличных обязательств, в которых вера поддерживается благодаря функционированию знания, в котором ординарный человек, как правило, не разбирается. Что касается качественной прессы и выбора тематик, это означает, что аудитория избранного проекта относится к преподносимым нарративам как к рафинированной позиции. Дополнительным уровнем усложнения является сам факт выбора темы, поскольку таким образом СМИ нарратив приобретает кратологические коннотации [Ван Дейк Т., 2013. – 344с.].

Нарративы, с которыми читатель взаимодействует конструируют не только собственный образ, но и оптику «чтения» мира вокруг. Это обусловлено не только риторическими практиками, но и самими темами. Так, например, посредством

временных привязок, можно ориентироваться в актуальной истории, соотнося «время до и после» эксцессами, освещенными СМИ. Это отсылает нас к тезису о конструировании альтернативного времени [Дебор Г., 2012. – С10-20]. Смещается оптика значимости индивидуального и того, о чем читатель узнает посредством СМИ. То, о чем читатель узнает посредством прессы, становится на несколько порядков выше, важнее. «Чем больше зритель созерцает, тем меньше он живет» [Дебор Г., 2012. – С18], поскольку потребляет чем больше языка спектакля, тем больше языка конструктов – самого спектакля и образов. В свою очередь время получает новый вид измерения – от события к событию, от образа к образу. Образность времени и тот факт, что спектакль (в значении игры и коммуникации образ-зритель) есть самоцель [Дебор Г., 2012. – С10] приводит к мысли, что оптика интерпретации и формирования повседневности напрямую зависит от повестки дня, сформированной производителями контента.

Находясь в пространстве медийных текстов, мы оказываемся в пространстве конструктов. Конструктов, которые тем или иным образом не только являются в определенной степени зеркалом современности (политической, экономической, культурной и т.д. сторон жизни социума), но и посредством редакционной политики являются символической властью, которая в свою очередь обладает определенным инструментарием.

Следующее, что необходимо упомянуть в рамках разговора о quality press – это различие в доступе к информации и текстам – так называемое производство «символических элит» [Ван Дейк Т., 2013. – Гл. 3.]. Эти элиты формулируют повестки дня, и, значит, векторы дискуссий в медиапространстве. Строго говоря, такого рода явление можно назвать идеологической властью, поскольку элиты производят знание, производят оценку, критерии оценки, нормы и убеждения – в какой-то степени и формируют этос. Предполагается также, что доступ к этому элитному дискурсу в известной степени ограничен, поскольку элиты конструируют собственный дискурс с точки зрения дифференциации, или же отстояния от, например, дискурса массовой культуры. То есть производят тексты «для тех, кто понимает», «для тех, кто думает» в соответствии с редакционной политикой. В качестве примера можно привести такие проекты как Slon.ru и Сноб, где полные материалы предоставляются по оформленной подписке.

Стоит заметить, что подобного рода выделение элиты приводит к формированию аудитории, которая идентифицирует себя с определенным дискурсом. В нашем случае

позиционируют себя как те, «кто понимает, что происходит в мире», и «как этот мир на самом деле устроен». Таким образом, происходит не только дифференциация аудитории, но и конструирование пространств, в которые могут быть включены далеко не все. Включение в пространство является не только ретроактивной волей, но и определяется по принципу соответствия и несоответствия идеологии пространства. По сути, получается, что выбор совершает не только тот, кто идентифицирует себя с конкретным пространством и идеологией, но и тот, кто позволяет идентифицироваться с собой как с пространством.

Строго говоря, нормализующими практиками и интенциями пропитано информационное пространство вокруг субъекта. Коль скоро он функционирует и существует в определенном пространстве смыслов, принадлежит к оформленной группе других субъектов, он транслирует и манифестирует положения того пространства, к которому так или иначе относится. Таким образом, субъект репрезентирует себя, является конструируемым и дисциплинируемым и одновременно конституируется и самодисциплинируется посредством транслируемых интенций и, значит, посредством самоидентификации себя с определенным образом или методом артикуляции. Зачастую заметно, как потребители того, или иного контента не только идентифицируют себя с производящим пространством, но и пользуются риторикой, присущей этому пространству.

В определенном смысле идентификация себя с определенным источником формирует ее саму. Происходит это посредством имплицитно воспроизводимых практик источника.

Актуальное производство контента в глобальном мире, некоторые части которого тяготеют к идеям космополитизма и равенства, в условиях российской действительности наталкивается на ряд противоречий. Речь идет о том, что производство дискурса представляет собой в некоторых случаях продукт левой идеологии, продуцирующей идеи равенства, толерантности, множественности и уважения к другому. Однако мы имеем определенную социокультурную данность, обусловленную наличием некоторых наследственностей советского периода. Те дискурсы, практики и нарративы, которые современность страны переняла у предшественника. В рамках этого напрашивается тезис об идентификационном кризисе нации, который преодолевается посредством интеграции отесняемого опыта (как, например, ГУЛагов) и поиска новой идентичности нации. Поскольку, этого шага не было произведено, и мы так и не смогли пережить критическое осмысление

национальной идентичности, мы имеем дело с совершенно особенно мифологизированной оптикой. Таким образом, не обладая функциональным идентификационным и критическим аппаратом, нет возможности вступить в диалог в пространстве политического [Рансьер Ж., 2000, С.100]. Это в свою очередь означает, что парадигма некоторых производителей контента с интенциями множественности теории и усложнения языка вступает в конфликт с мифологизированной оптикой.

В качестве примера можно привести два источника. Первое, о чем пойдет речь – колонка Ульяны Скойбеды (Комсомольская правда), которая транслирует дискурс традиционных ценностей. «Господи, а я ведь до этого случая не понимала, насколько мы разные, как далеко в Европе все зашло и от чего Ты, Господи, нашу Россию спас. Спасибо Тебе за то, что на Рождество мы идем в храмы, а не обязаны лицезреть скабрёзные комиксы с младенцем Иисусом, вылезавшим у Пречистой Девы из влагалища (в суд подавать бесполезно!), за то, что наш мэр – не гомосексуалист и не танцует на гей-параде с голым задом (в Европе они уже, по-моему, через одного, неспа?), за то, что у нас брак – это союз между мужчиной и женщиной, а не как-нибудь там. За отсутствие среднего пола у детей (принят кое-где в Скандинавии) уточняет она, за присутствие слов «мама» и «папа» (дискутируется запрет в ряде стран)...» - восклицает она в одной из своих статей под названием «Послесловие к Шарли» [<http://www.kp.ru/daily/26328/3211926/>].

Наследуя привычки потребления СМИ в советский период, некоторые читатели уверенно согласятся с тем, о чем говорит автор текста. Однако существует и другой текст.

В свою очередь Кольта демонстрирует нам совершенно другую позицию. Так, например, Екатерина Шерга, автор Кольты пишет о крахе мифа о среднем российском обывателе в своей статье «Полет над черной водой» [<http://www.colta.ru/articles/society/6057>]: «У меня в дальних ящиках стола до сих пор валяются кипы сохлых пожелтевших листов — концепции журналов и газет, созданных в расчете на воображаемый средний класс. Они написаны в разные годы, но их будто размножили на ксероксе: «Мы ориентируемся на того, кто получает в месяц (нужное вписать). Он свысока относится к людям, которые интересуются политикой. Выше всего он ставит свое благосостояние. Единственное, что его интересует, — это потребление, и наша цель — помочь ему потреблять». Эти надежды расцветали на фоне полного отсутствия идеологии, альтернативной той, что в какой-то момент предложила власть. Десятилетия подряд пропаганда демократических ценностей у нас выглядела

так: «Я приземляюсь в аэропорту Парижа (Лондона, Барселоны), — рассказывали известный журналист, режиссер или писательница. — Я вижу пограничников, которые мне улыбаются. А в нашей стране человек в погонах каждую минуту готов тебя унижить».

Обращаясь к языку источника, мы видим, как происходит маркировка, оценка и присваивается значение ситуациям, например, посредством следующих слов: «человек в погонах готов тебя унижить» и «ты, господи, нашу Россию спас».

Субъект никогда не совершает выбор, акт выбора уже совершен за него. Точнее, парадокс заключается в том, что свободный выбор — это такой выбор, который уже совершен и субъект может лишь ретроактивно констатировать факт выбора [Жижек С., 1999 — Гл. 5.]. Субъект, который полагает, что может избежать данного парадокса — этот тот, кто сохраняет дистанцию по отношению к символическому порядку. В качестве примера можно привести тоталитарное общество, где дискурс ориентирован на позицию «врага» следующим образом: врагом считается тот, кто, имея свободу выбора, свободно совершил неправильный выбор. Речь идет о том, что ориентация в информационном и культурном пространствах и причисление себя к определенной группе "своих" начинает разворачиваться и в приватной и в публичной сфере как репрезентативный акт. «Иметь врага [необходимо] не только для определения собственной идентичности, но и еще и для того, чтоб был повод испытывать нашу систему ценностей и продемонстрировать ее окружающим. Так что когда врага нет, его следует сотворить» [Эко У., 2014. — С.11-39]. Таким образом, перед нами предстает следующая логика: посредством разделения информационного пространства разделяется в определенной степени и общество. Происходит это по качеству и на основе массово разделяемых аспектов. Появляются группы, определяющие себя через собственные особенности наравне с различиями «своих» от «чужих».

Посредством подобных дифференциаций мы получаем факт редуцирования дискурсов — и одновременно черно-белую ориентацию в информационном пространстве. Что же касается конструирования субъекта, то в рамках нашего макета выходит, что даже аналитически настроенные проекты, издания и нарративы в определенной степени тяготеют к уже упомянутой ориентации, несмотря на то, что дискурс этих пространств, как уже было сказано, направлен на формирование либеральных установок. Разговор о неумении строить диалог еще обусловлен и тем, что с так называемой либеральной общностью стереотипически связывают «пятую колонну» или интеллектуалов. Здесь мы вновь сталкиваемся с противоречием,

отсылающим нас к вопросу о том, как манифестируются позиции экспертного и профанного пространства.

Ввиду опять-таки некоторой наследственности, которую мы имеем в качестве данности сейчас, существует конфликт упомянутых сфер. Так, например, Мишель Фуко писал о том, что теперь роль интеллектуала суть усложнения понимания и интерпретации мира, а не привычное преподнесение путеводной звезды для «народа». «Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо всё знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить. Однако существует система власти, которая этот дискурс и знание запрещает, перечеркивает и объявляет недействительными. Это власть, которая существует не только в органах высшей цензуры, но и очень глубоко и незаметно проникает во всю сеть общественных отношений. Так что сами интеллектуалы являются частью этой системы власти, да и сама идея, что они служат носителями "совести" или "сознания" и дискурса также является частью этой системы. И теперь роль интеллектуала состоит не в том, чтобы, пройдя "немного вперед" или слегка отодвинувшись "в сторону", высказывать за всех безмолвную истину, а скорее, наоборот, в том, чтобы бороться против всех видов власти там, где он сам представляет собой сразу и объект, и орудие: в самом строе "знания", "истины", "сознания", "дискурса"» [Фуко М., 2006 – Часть 3].

Иными словами, можно сказать, что Фуко видит интеллектуала как того, кто задает вопросы о «сейчас», расширяет смысловое пространство и знание.

Обращаясь к отечественному опыту и, говоря точнее, некоторой рефлексии относительно места интеллектуалов и теоретиков. Технология самосохранения нынешнего российского режима основана на формировании мутизма у общностей, обладающих экспертным знанием, связанным с представлениями о множественности и сложности окружающего мира, тяготеющих к рецепции – значит, в известной степени обладающих независимостью от магистрального дискурса традиционных ценностей. «Делается упор на слои и группы «пассивного терпения», не выдвигающие особых запросов к качеству и уровню жизни» [Гудков Л., 2012. Т. 16. № 3. С. 21].

Таким образом, аналитическое (или, если угодно, экспертное сообщество) обладает пространством функционирования, но в сложившихся условиях в Российской Федерации многоголосие, транслируемое этим пространством редуцируется или же обретает немоту, поскольку не распространяется по слабой публичной сфере как эталон или путеводная звезда для «непросвещенных масс». Как говорит Фуко в своем интервью: «Быть интеллектуалом в довоенный и в начале послевоенного периода

означало занимать универсалистскую позицию, которая позволяла относительно всего на свете производить дискурс, имеющий независимо от области применения одинаковый синтаксис и одинаковую семантику» [L'inquiétude de l'actualité. (Un entretien inédit avec Michel Foucault, 2004. 19–20 Septembre. P. VIII.)

Раз мы получаем теоретическое высказывание не как универсалию эпохи, но как фрактал, мы сталкиваемся с тем, что теория сама становится практикой. «Как раз там, где теория не будет выражать практику, толковать её, прилагаться к практике, она станет практикой. Но практикой локальной, практикой региональной, точечной, практикой, пользуясь Вашим выражением, не тотализующей» [Фуко М., 2006 – Часть 3]. Это в свою очередь знаменует собой то, что практикоориентированный дискурс повседневных норм и дискурс интеллектуалов-теоретиков становятся воплощением молчаливого конфликта.

«Какие идеологии? Какая борьба идей, если речь идет о чем– то более существенном и глубинном – о языковой несовместимости. Это только кажется, что мы все говорим на одном языке, – это иллюзия, которой тешат нас Ожегов с Розенталем. Она, эта самая несовместимость, всегда становилась наиболее наглядной на сломех эпох. Вот и в наше время она становится все более и более заметной» [Рубинштейн Л, 2008. – С.43].

Чем более усложняется нарратив и теория, становясь точечной, тем более усложняется язык. Он, пожалуй, остается единственным механизмом, единственным форпостом между профанным знанием, имеющим тенденцию к экспансивному употреблению экспертного вокабуляра. Пожалуй, стоит сделать особый упор и сказать, что в сложившейся ситуации экспертное сообщество обладает единой стратегией к отстаиванию себя и идентификации – через язык. Посредством и благодаря языку и «языку теории», получается, пространство сохраняет за собой не только экспертный статус, но и рудиментарные функции, о которых уже было упомянуто. Однако, стоит заметить, что подобная смена парадигм на фоне прежних властных требований и запросов для конструирования всеобщих универсалий остается, в то время как парадигма теорий изменилась.

Коль скоро язык является инструментом конструирования пространств, он так же конструирует субъекта. Взаимосвязь между субъектом и пространством, практики и нарративы которого первый усваивает в данном случае совершенно очевидна. Пожалуй, в контексте анализа quality press как производителя качественного, а, значит, экспертного высказывания именно язык является тем, что одновременно служит

развитию и стагнации. Ввиду того, что то время как эксперты обращаются к идеологии множественности, недопонимание в сфере профанного знания сублимируется в массовый нарратив, что интеллектуалы являются пятой колонной и проданы США. В результате всего сказанного мы получаем макет, где происходит конфликт между профанами и экспертами. Процесс формирования национального государства, что в контексте наследственности получая тем самым дополнительное развитие, предполагает, что прогресс и некоторое дальнейшее развитие в социокультурном плане определяется не диалогом в пространстве политического, но «генеалогическими силами» [Марков Б., 2008. – С27.].

С другой стороны прослеживается четкая тенденция прогрессорства, суть которой – активизм, обладающий агрессивными и порой репрессивными риторическими практиками.

В конечном итоге «Сила мнения, то есть власть, зависит от численности [тех, кто это мнение разделяет]: «[человеческий разум, подобно самому человеку, робок и осторожен, пока одинок, и обретает постоянство и уверенность] пропорционально числу тех, с кем объединен» [Арендт Х., 2014.]. В нашем случае конструирование субъекта, общности, или сообщества является инструментом, помогающим ориентироваться в информационном пространстве, механизм ретроактивной идентификации. Однако, этот механизм не позволяет вступать в конструктивный диалог ввиду того, что социокультурная реальность и политика государства и общества в сфере культуры и медиа опирается на формирование бинарных оппозиций. Это в свою очередь создает коммуникационный тромб, в результате появления которого возможно лишь конструирование, без конструктивного диалога.

Список литературы:

1. Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000.
2. Арендт Х. О насилии / Пер.с англ. Г.М. Дашевского, М.: Новое издательство, 2014.
3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Гидденс Э. последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д.-Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.
5. Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // ProetContra. 2012. Т. 16. № 3.

6. Дебор Г. общество спектакля. Пер. с англ. А. Уриновский; вступ. статья А. Лапшин – М.: Опустошипель, 2012.
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. Пер. с англ. В. Сафронов, – М.: «Художественный журнал», 1999.
8. Марков Б. В поисках Другого //Вовлечение другого. Очерки политической теории / Хабермас Ю. – СПб.: Наука, 2008.
9. Рансьер Ж. На краю политического. М.: «Праксис», 2000.
10. Рубинштейн Л. Словарный запас, М.: Новое издательство, 2008.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М.: Праксис, 2006.
12. Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011.
13. Эко У. Сотвори себе врага и другие тексты по случаю: Умберто Эко; пер.с ит. Я Арьковой, М.Визеля, Е.Степанцевой. – М.: АСТ «CORPUS», 2014.